

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
Магистрант кафедры философии**Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Department of Philosophy, Magister
cyclopz@mail.ru***АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ И СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (КИТАЯ, ЯПОНИИ, ЮЖНОЙ КОРЕИ) ПО ДАННЫМ «ВСЕМИРНОГО ОБЗОРА ЦЕННОСТЕЙ»***

На основе данных «Всемирного обзора ценностей» в статье проводится общий сравнительный анализ ценностных приоритетов России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи). Кратко представлена «теория человеческого развития» Р. Инглхарта, послужившая методологической основой «Всемирного обзора». Несмотря на спорные моменты теории, ее эмпирическое воплощение в виде базы данных World Values Survey представляет собой обширное поле для самых разных исследований. В соответствии с теорией Р. Инглхарта, первой рассматриваемой ценностью стало доверие как основа постматериалистической культуры. Далее анализируются данные, связанные с политическими ориентациями, вопросами религии, смысла жизни, уровнем счастья, удовлетворенности жизнью и финансовым положением, воспитанием детей. Сделан вывод о том, что на основе данных «Всемирного обзора» нельзя говорить о каком-то точном, принципиальном культурном отличии России от азиатских соседей: в разных странах ввиду различных причин некоторые ценности могут совпадать, либо заметно отличаться вне зависимости от культурного ареала. По этой же причине Китай, Япония и Южная Корея не демонстрируют полного ценностного единства и, несмотря на миф об «азиатском менталитете», представляют собой вполне самостоятельные культуры, заслуживающие отдельного изучения.

Ключевые слова: ценности, культура, всемирный обзор ценностей, постматериализм, теория человеческого развития, страны Северо-Восточной Азии, доверие, политические ориентации, авторитаризм, религия, счастье.

ANALYSIS OF VALUES OF RUSSIA AND COUNTRIES OF NORTHEAST ASIA (CHINA, JAPAN, SOUTH KOREA) ACCORDING TO «WORLD VALUES SURVEY»*

On the basis of the «World Values Survey» data author gives the comparative analysis of the value priorities of Russia and the countries of North-East Asia (China, Japan, South Korea). «Theory of human development» by R. Inglehart is briefly presented as a methodological basis of «World Values Survey». In spite of the controversial points of the theory, its empirical expression in the form «World Values Survey» database represents a vast field for a variety of studies. In accordance with the theory of R. Inglehart trust as a basis for post-materialist culture is the first value to be analyzed. Further analysis of the data is associated with the political orientations, issues of religion, the meaning of life, happiness level, life and financial satisfaction, education of children. It was concluded that one cannot speak about a precise, fundamental cultural difference between Russia and Asian neighbors based

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-33-11174

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

on the data of the «World Values Survey», because in different countries for various reasons some values may be the same or differ dramatically, regardless of the culture area. For this reason, China, Japan and South Korea do not show the full value unity and despite the myth of the «Asian mentality», these

countries have quite independent cultures that deserve a separate study.

Key words: values, culture, world values survey, post-materialism, theory of human development, Northeast Asian countries, trust, political views, authoritarianism, religion, happiness.

Эмпирическая база и методология

Изучение культур приграничных стран является одним из приоритетов отечественной гуманитаристики, поскольку открывает новые перспективы межкультурного взаимодействия. Особый интерес здесь представляют страны Северо-Восточной Азии, в частности Китай, Япония и Южная Корея. Стоит признать, что сотрудничество России с этими странами, несмотря на приоритетность, сегодня затрагивает преимущественно экономико-политическую сферу, а культурные связи, базирующиеся либо на общих ценностях, либо на четком понимании их различий, нередко упускаются из виду. Современные западные теоретики (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт и другие) показали, что экономический рост и политическая стабильность во многом зависят от исповедуемых ценностей². Поэтому очевидна необходимость анализа ценностных установок жителей стран Северо-Восточной Азии (Японии, Китая, Южной Кореи).

Эмпирической базой данного исследования выступают результаты «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey)³, представляющего

собой масштабный социологический опрос, проводимый с 1981 года. Последней, шестой по счету, волной, проведенной в 2010-2014 гг., было охвачено 67 стран и 86274 респондента, а за все время реализации проекта в нем приняли 97 стран и более 90% населения планеты.

На веб-ресурсе World Values Survey данные опросов представлены в открытом доступе, и потому широко используются в различных исследованиях, в том числе отечественных. Последние, правда, имеют либо частный, предметный характер⁴, либо касаются сравнительного анализа ценностей россиян и европейцев⁵. Авторы используют в качестве эмпирической базы преимущественно сервис European Values Survey и «портретно-ценностную» методологию Ш. Шварца. Исследования же, рассматривающие ценности пограничных стран АТР в сравнении с ценностями России и

ASEP/JDS, Madrid. URL:

<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 12.05.2016)

⁴ Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

⁵ Магун В.С., Руднев М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №1 (93). С. 33-58; Магун В. С. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 52 с.; Магун В. С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. №4 (110). С. 81-97.

² Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. / под ред. Хантингтон С., Гаррисон Л. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

³ WORLDVALUESSURVEY 1981-2008 OFFICIAL AGGREGATE v.20090901,

2009. WorldValuesSurveyAssociation

(www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer:

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

использующие в качестве эмпирической базы World Values Survey, среди отечественных публикаций не встречаются.

В данной статье использованы результаты последней серии опросов «Всемирного обзора ценностей» (2010-2014 гг.) в четырех странах: России, Китае, Японии, Южной Кореи. Вопросы анкеты этой серии учитывают более 250 переменных, охватывающих обширное поле ценностных ориентаций в политике, экономике, культуре, отношениях с иностранцами и другими меньшинствами. Относительно небольшая часть переменных выявляет демографические данные: возраст, пол, уровень образования, трудоустройство, этническая принадлежность, размер города. Данные предыдущих опросов приводятся в случае наличия существенных различий между соседними волнами. Заранее стоит заметить, что некоторые вопросы не задавались в той или иной стране по этико-культурным или иным соображениям. Кроме того, неясны причины использования разных шкал оценивания для разных ответов. Некоторые вопросы шкалируются по пяти, некоторые по десяти баллам, другие содержат лишь два противоположных варианта ответов.

«Всемирный обзор ценностей» основан на разработанной американским социологом Рональдом Инглхартом теории «человеческого развития» (или постматериализма)⁶, соединяющей экономизм Маркса и культурный детерминизм Вебера. Комплементарность и взаимозависимость этих двух подходов разворачивается Р. Инглхартом в довольно простую формулу: в современных капиталистических обществах достижение материального благосостояния и снижение отдачи от экономического роста влечет за собой масштабный культурный

сдвиг, в рамках которого со сменой поколений происходит переход от материалистических ценностей к постматериалистическим.

Заранее следует заметить, что в рамках методологии Р. Инглхарта критики отмечают смешение понятия «ценности» с понятиями «установки», «поведенческие намерения» и «аттитюды». Выявление точных дефиниций не является целью данной работы, поэтому ценности понимаются нами в самом широком смысле.

В своей классификации Р. Инглхарт выделяет две шкалы ценностей: «выживание» / «самовыражение» и «традиционные» / «секулярно-рациональные». Ценности выживания включают в себя экономическую и физическую безопасность, материальные блага, нетерпимость, религиозный или сциентистский конформизм и, как следствие, готовность принятия авторитаризма в качестве институционального гаранта этих ценностей. Ценности самовыражения прямо противоположны. К ним относится свобода личности, права человека, нематериальные блага, успех, гендерное равноправие, толерантность – выходят на первый план преимущественно там, где процессы модернизации в веберовском смысле (рационалистическая экономика-политическая связка – индустриализация-бюрократизация) либо завершены, либо снижают свои темпы, обеспечивая населению определенный уровень жизни и политических свобод.

Во второй паре к «традиционным» ценностям принадлежат религия, семья, почтение к власти, социальный конформизм; к «секулярно-рациональным» – рациональное поведение, успех, ориентация на светскость государства, незначительная роль религии.

Результаты анализов опросов всех волн опросов позволил Р. Инглхарту сделать вывод о том, что ценности обладают достаточной устойчивостью. Это идет вразрез с широко распространенным взглядом о глобальной вестернизации и американизации человечества. Во-первых, экономические успехи Восточной Азии сегодня отменяют

⁶ см. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. [электронный ресурс] URL:

http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=119 (дата обращения: 10.11.2015) и Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011 464 с.

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

абсолютное преимущество Запада в деле индустриальной модернизации. Во-вторых, такое передовое на первый взгляд государство, как США, сохраняет большую приверженность традиционным и религиозным ценностям, чем другие богатые страны, и, кроме того, не является среди них культурным эталоном⁷.

Относительная устойчивость ценностей прослеживается и на примере России, которая стабильно сохраняет свое место в «посткоммунистической / православной» культурной зоне, разделяя близкую судьбу со странами бывшего СССР и Восточной Европы. За последние 25 лет прослеживается лишь незначительная динамика: с одной стороны заметен рост традиционных ценностей, с другой – ценностей самовыражения. М. Г. Руднев так описывает постматериалистическое положение нашей страны: «Сегодняшняя Россия на шкале материализма / постматериализма расположена на полюсе материализма, на шкале традиционных / секулярно-рациональных ценностей находится в центре, но тяготеет к секулярно-рациональным; на шкале выживания/самовыражения Россия является ярким представителем стран, население которых подчеркивает ценности выживания»⁸.

Доверие как основополагающая ценность постматериалистических обществ

В рамках концепций упомянутых выше западных авторов, ключевой ценностью в современную эпоху является доверие. Согласно Р. Инглхарту оно обеспечивает развитие постматериалистической культуры, а для Ф. Фукуямы выступает основой социального капитала. Доверие выходит на первый план, когда обеспечивавшая экономиче-

скую и политическую стабильность бюрократия достигает пределов своей функциональной эффективности и массового притяжения. Эффективность снижается за счет непрекращающегося роста иерархизированных посреднических структур и бюрократически обусловленных формальных правил и регламентации. «Весь этот юридический аппарат, заменяющий доверие, приводит к росту того, что экономисты называют «операционными издержками»⁹. Бюрократия затрудняет прямой доступ каждого участника отношений друг к другу (т.н. горизонтальные связи) и не поощряет творческую инициативу. Доверие между людьми в различных сферах их сосуществования призвано ликвидировать, или хотя бы смягчить эти трудности, что будет способствовать росту других постматериалистических ценностей самовыражения.

Общий показатель межличностного доверия выявляется одним дихотомическим закрытым вопросом: «В целом, считаете ли вы, что большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» (V24). Данные показывают, что за последние 30 лет во всех странах ярко выраженной динамики не наблюдается, и изменения по волнам опросов составляют не более 5-10% в ту или иную сторону. Единственной страной, где уровень доверия превышает половину, тем самым сохраняя первенство среди остальных стран, является Китай (60% в 2012 г.). В Японии этот показатель также относительно стабилен и в среднем составляет 38%, тогда как в Южной Корее за последние 30 лет заметно плавное снижение с 34 до 26%. В России же показатель колебался: период с 1990 по 1995 отмечен снижением с 35 до 23%, а с 2000 по 2011 гг. – повышением с 23 до 28%. Таким образом, с учетом динамики, Россия является страной с самым низким уровнем доверия среди населения.

⁷Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. С. 77.

⁸Руднев М. Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран // автореф. дис. ... канд. соц. Наук. Институт социологии РАН. Москва, 2009. С. 17.

⁹Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 56.

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

Анкета также позволяет определить направленность доверия. Вопрос «Насколько вы доверяете: <...>», – включает в себя 6 переменных (V102-107): семья, соседи, лично знакомые, впервые встреченные люди, представители других религий, представители других национальностей. Всем рассматриваемым странам присуще максимальное доверие членам своих семей (с минимальными отклонениями между странами оно в среднем 90% «Полностью доверяю»). По отношению к лично знакомым людям этот показатель также высок: ≈80% положительных ответов во всех странах. Межстрановые различия прослеживаются в доверии соседям: если в Китае он практически совпадает с уровнем доверия знакомым (84%), то в других странах он ниже. Так, к соседям с доверием относятся 56% опрошенных японцев, 72% корейцев и 72,5% россиян. Различие между Китаем и Японией в этом вопросе объясняется различием в характере межличностных связей. В Китае последние имеют внутрисемейный и земляческий характер, в то время как в Японии они менее формализованы конфуцианскими традициями, «более субъективны и основаны на глубоком чувстве личной привязанности и долга»¹⁰. Испытавшая культурное и экономическое влияние обеих стран Корея по данному показателю находится посередине между ними. В отношении же незнакомцев жители всех стран примерно солидарны (70-80% отрицательных ответов).

Выявление степени доверия к представителям других религий и национальностей связано с определенными трудностями. Так, например, процент положительных ответов относительно доверия к указанным группам в Китае и Японии весьма низок («Полностью доверяю» - 0-1%, «В некоторой степени доверяю» - ≈10%). Но примечательно прежде всего то, что большинство респондентов в этих странах (≈40% в обеих) не знали, как ответить на

данный вопрос. Речь идет не о воздержавшихся (их нет), а именно об ответе «Не знаю». С ответами жителей Южной Кореи подобной проблемы нет. Для них характерен уровень доверия ниже 50%, однако по отношению к иноверцам он выше, чем к иностранцам (42% и 27% соответственно). Для России подобное отличие не характерно: к обеим группам уровень доверия примерно одинаков (31% для иноверцев, 35% для иностранцев). Кроме того, среди наших соотечественников, как и в Китае и Японии, есть процент «не знающих» (15% и 13% соответственно). Что может означать отсутствие ответа: непонимание вопроса анкеты или нежелание отвечать по этическим или иным соображениям, – сказать сложно.

С проблематикой доверия связаны и некоторые вопросы, касающиеся толерантности к различным меньшинствам. Наиболее репрезентативен здесь вопрос «Кого бы вы не хотели видеть в качестве соседей?». В Китае, Ю. Корею и России достаточно негативно воспринимаются наркоманы, алкоголики, больные СПИДом и гомосексуалисты. В Японии подобного рода варианты не предлагались по этическим соображениям. По поводу указанных категорий «соседей» можно добавить, что в России наиболее терпимы к больным СПИДом, а в Китае – к гомосексуалистам (соотношение приблизительно 50 на 50 в обоих случаях). Представители другой расы, другой религии, иностранцы, носители другого языка, неженатые сожительствующие пары воспринимаются всеми опрошенными довольно терпимо, однако наименьшие показатели здесь – у корейцев. В частности, принять в качестве соседей иностранцев готовы лишь 56% опрошенных, неженатых сожителей – 49,4%.

В целом видно, что Китай хоть и удерживает первенство в плане межличностного доверия, но этот показатель обращен «вовнутрь»: высокий уровень обусловлен традиционными семейными и соседскими связями в ущерб связям внешним. Японское общество демонстрирует схожую закрытость ввиду склонности его членов к сохранению тесных

¹⁰Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. / под ред. Хантингтон С., Гаррисон Л. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 230.

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

корпоративных связей. Россия представляется более открытой для внешних взаимодействий, однако по сравнению с остальными странами общий уровень доверия ее жителей низок. В Южной Корее, очевидно, во многом господствуют несколько трансформированные конфуцианские порядки: по аналогии с Китаем низкое доверие направлено на членов семьи или просто соотечественников.

Общественные объединения и политические ориентации

С точки зрения теории человеческого развития высокий уровень доверия в постматериалистических обществах должен способствовать преодолению изолированности индивидов и рост их участия в различных общественных объединениях. Вероятно, что помимо доверия влияние оказывают и иные факторы, поскольку в рассматриваемых странах подобная логика не работает: их жители проявляют минимальную активность по отношению к общественным организациям (переменные V25-35). Среди них: церковные / религиозные, спортивные и досуговые организации; организации, связанные с искусством, музыкой, образованием; профсоюзы; политические партии; экологические организации и другие.

Более 90% опрошенных в России и Китае не являются членами каких-либо общественных объединений. Максимальное участие в России замечено лишь в профсоюзах (8,6% – активное, 2% – неактивное). В Японии и Южной Корее ввиду интенсивного развития сферы услуг ситуация несколько иная, и небольшой процент жителей этих стран тем или иным образом состоит в организациях, связанных со спортом, досугом, искусством и образованием (обобщенно – около 15-20%). Кроме того, жители Южной Кореи подтверждают участие в церковных и религиозных организациях (22,5% – активное, 18,7% – неактивное).

Что касается заинтересованности жителей рассматриваемых стран в политике (переменная

V84), то здесь первенство принадлежит Японии (66%). С точки зрения теории постматериализма это неудивительно, поскольку Япония ушла вперед по уровню секулярно-рациональных ценностей, а ценности самовыражения вовсю набирают силу, что означает стремление людей к участию в политике и демократизации общественных институтов. Последнее подтверждается результатами опроса: в сравнении остальным японцы куда более активно участвуют в забастовках, подписаниях петиций или митингах (хотя в целом, процент таких «активистов» небольшой). В Китае политическая заинтересованность составляет 48%, в Южной Корее – 38%, в России – 33%. При столь невысоком показателе, в выборах всех уровней участвует большинство опрошенных в Японии, Ю. Корее и России. В Китае же ситуация с выборами в корне иная и связана с особенностями избирательной системы: на местном уровне голосуют «всегда» лишь 27,1%, «иногда» – 20,7%, а на национальном уровне 74,7% никогда не участвовали в выборах. Все высшие должности в Китае избираются Всекитайским собранием народных представителей, которое формируется за счет местных выборов в каждой из провинций.

Ряд переменных рассматривает, какую власть жители хотят видеть в своей стране. В России 67% населения считают необходимым наличие сильного лидера, и почти столько же – 67,3% – убеждены в необходимости демократической формы правления. Во всех странах подчеркивается важность сильного государства как гаранта демократических свобод, ответственного за экономическое благосостояние населения. Данные по переменным V60-65 (цели развития страны) подтверждают это: важными признаются экономическая стабильность и рост, борьба с повышением цен (Ю. Корея и Китай) и порядок (Россия и Япония). Однако при этом поддержка авторитаризма в азиатских странах существенно ниже: 48,7% в Южной Корее, ≈30% в Японии и Китае. Высоко была оценена и роль экспертов в принятии политических

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

решений (Россия – 55,1%, Ю. Корея – 53,1%, Япония – 40,3%, Китай – 27,7%). Наименьшую поддержку среди населения имеет идея власти военных. Здесь особенно показательна пережившая милитаризм Япония – возможность руководящей роли армии в политике здесь поддерживают лишь 2,2%.

Важность демократической системы (переменная V140) подчеркивается подавляющим большинством всех опрошенных. Это видно и из рассмотренных выше вопросов о предпочитаемой форме правления. Учитывая общее стремление к ответственности государства, можно сказать, что в рассматриваемых странах демократия понимается как возможность населения делегировать свои политические права определенной категории представителей власти (авторитарному лидеру, экспертам или армии). При этом можно заметить, что в китайском обществе, на протяжении истории демонстрировавшим удивительную способность к самоорганизации, ориентация на авторитаризм и экспертов меньше, чем в постсоветской России и испытавших значительное западное влияние Японии и Ю. Кореи. Это влияние также заметно в корейском и японском понимании демократии: в этих странах подчинение и равенство доходов не признаются существенным элементом этого политического режима.

Восприятие населением власти в текущий момент времени можно увидеть по вопросам: «Насколько демократична ваша страна?» (V141) и «Насколько в вашей стране соблюдаются права человека?» (V142). По первому вопросу, оценивавшемуся по десятибалльной шкале, медианы и общее отклонение следующие: Китай – 6,43 (1,99); Япония – 6,72 (1,99); Ю. Корея – 5,87 (1,97); Россия – 4,56 (2,23). Вопрос о правах оценивался по рейтинговой дифференцированной шкале. Крайне положительные и положительные ответы распределились следующим образом: Китай – 17,9 и 51,4%; Япония – 3,4 и 50,2%; Ю. Корея – 3,8 и 66,4%; Россия – 2,5 и 39,1%. Видно, что для азиат-

ских стран характерна общая удовлетворенность соблюдением прав и оценка своей страны как демократичной, в то время как в России преобладают отрицательные ответы.

Данные подтверждают ряд известных тезисов о политических ориентациях рассматриваемых стран. Заметно, что в Японии и Ю. Кореи приветствуется опора на собственные силы и индивидуалистическая конкуренция, поддержка которых, с точки зрения «теории человеческого развития» возможна именно в рамках либеральной западной модели демократии, где государство выступает гарантом этих ценностей. Неслучайно, что жители этих стран, в отличие от Китая и России, активно выступают за развитие частного сектора в экономике. Китайское общество, самоорганизуясь за счет коллективистских традиций и ритуалов, может позволить себе практически любую форму правления, поскольку даоистическая культура ориентирована на акт, а не на содержание¹¹. В России же политические взгляды весьма противоречивы: демократия в головах населения соседствует с авторитаризмом и сдвигается неудовлетворенностью текущим положением вещей.

Вопросы религии, смысла жизни и рефлексии

С точки зрения авторов концепции постматериализма, модернизация не подразумевает своим итогом исчезновение религии вообще. Во-первых, обеспечившая модернизацию капиталистическая экономика обязана своему появлению «протестантской этике». Точно также конфуцианство не препятствовало, а наоборот, всю способствовало экономическому подъему стран СВА. Во-вторых, «хотя в постиндустриальном обществе прежние иерархические церковные институты теряют популярность, духовная жизнь приобретает формы, все более отвечающие целям самовыражения лично-

¹¹Ячин С. Е., Конончук Д. В. и др. Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 288.

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

сти»¹². Переход к постматериалистическим ценностям означает трансформацию субъективной сущности религии, ее переход от заранее заданного элемента традиции к способу самовыражения, элементу общих духовных поисков эмансипированной личности (авторы используют термин «религиозная ориентация»). С этим связано столь большое на сегодняшний день количество религиозных и квазирелигиозных организаций, в том числе и самых причудливых. В рамках глобального капитализма происходит превращение религии в товар (а предпочтение одних брендов другим в «обществе потребления» также является показателем идентичности), в рамках постмодернистской культуры – в форму перформанса.

Анализ ценностей, связанных с отношением к вере и религии, представлен в блоке вопросов под переменными V143-156 (6 волна). С ним пересекаются вопросы из других блоков, связанные с верой вообще, конфессиональной принадлежностью, степенью участия в религиозных ритуалах и организациях, а также с восприятием иных религий и их представителей. Ясно, что более специализированные демографические исследования конфессиональной принадлежности или регулярные переписи населения могут дать более точную информацию, но в рамках нашего исследования полученные данные достаточно репрезентативны, особенно в связке с другими вопросами анкеты.

Религии в анкете посвящен целый блок вопросов (V143-156). Ключевым, конечно, можно считать вопрос «Верите ли вы в Бога» (V148). Вбравший в себя конфуцианскую этику и коммунистические идеи Китай по данным последней волны демонстрирует самый низкий показатель – 17%. При этом 27% опрошенных считают себя атеистами, а 57% – просто не религиозными людьми (переменная V147). В Японии и Южной Корее про-

цент верующих гораздо выше: 41% и 50%. Буддистами определили себя 36,6% опрошенных японцев (с учетом 53,3% не отнесших себя ни к какой конфессии). В Ю. Корее равным образом представлен буддизм, католичество и протестантизм: 20,6%, 21%, 15,7% соответственно (конфессионально не определившихся – 41,6%). Удивительно, что при этом в Ю. Корее атеистами признало себя 29,5% опрошенных, что больше, чем в иных странах, а соотношение религиозных и не религиозных людей соответственно 32,5% и 37,1%. В России веруют в Бога 73% опрошенных и почти все они – православные. В Китае и Японии никто не указал в качестве веры конфуцианство и синтоизм, поскольку ни то, ни другое не считается религией для своих носителей, а превалирующие над трансцендентным этический, ритуальный и обрядовый компоненты этих учений воспринимаются китайцами и японцами неотъемлемой частью повседневной жизни. Они, можно сказать, имманентно присущи носителям этих культур. Их нерелективный характер также подчеркивается большим процентом ответов «Не знаю» на многие вопросы, связанные с религией.

С позиций оценки рефлексивности культур особый интерес представляет вопрос V143 – «Задумываетесь ли вы о смысле жизни? как часто?». Наименьший результат демонстрирует Китай: на искомый вопрос ответили «Часто» – 9,6%, «Иногда» – 40,5%, «Редко» – 32,3%, «Никогда» – 11%, «Нет ответа» – 6,3%. При этом, в предыдущих четырех волнах крайний положительный ответ колебался в районе 30% и показатель снизился только за последнее время. Схожая динамика наблюдается и в России: с 1989 по 2009 «часто» задумывались о смысле жизни более 40% опрошенных, в то время как к 2014 году показатель упал до 25%. Другие ответы по последней волне таковы: «Иногда» – 46%, «Редко» – 20,5%, «Никогда» – 6,7%, «Нет ответа» – 0,3%. В Японии и Ю. Корее показатели относительно стабильны: «Часто» – 20,8 и 38%,

¹²Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. С. 41-42.

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

«Иногда» – 58,5 и 51,8%, «Редко» – 14,5 и 6,5%, «Никогда» – 1,1 и 3,5%, «Нет ответа» – 5,3 и 0,2%.

Размышления о смысле жизни и обращение к трансцендентному особенно характерны для кризисных периодов. Неудивительно, что максимальный показатель в России, Японии и Ю. Кореи приходится на волну 1999-2004, когда эти страны преодолевали тяжелые последствия экономических кризисов. При этом, если смотреть на уровень счастья (переменная V10), то кризис повлиял на него лишь в Китае, в то время как в России и Южной Кореи наблюдается постепенный рост, а в Японии с начала 90-х гг. уровень счастья стабильно держится на высокой отметке. Кроме того, Россия, несмотря на положительную динамику, по данным обзора является менее счастливой страной в сравнении с остальными, хотя, в целом, уровень счастья достаточно высок: 14,8% респондентов «очень» счастливы, а 58,5% «вполне».

Уровень удовлетворенности жизнью (V23) и финансовым положением (V59) также указывают интересные особенности рассматриваемых стран. В Японии и Южной Кореи, несмотря на незначительные колебания за последние 25 лет, ситуация относительно стабильна: средняя удовлетворенность жизнью сегодня составляет 6,91 и 6,51 по десятибалльной шкале соответственно (при средних отклонениях 1,98 и 1,82), а удовлетворенность финансовым положением – 6,04 и 5,69 (отклонения 2,25 и 1,93). В Китае показатели значительно снизились во время упомянутого выше кризиса, о чем также свидетельствовало снижение уровня счастья¹³. В России же кризисные явления конца 90-х гг. дали о себе знать в виде показателей по уровню

жизни и финансовому положению, однако никак не затронули общий рост уровня счастья.

В изучении ценностных ориентаций интересной представляется рубрика «Качества, воспитываемые в детях». И здесь наблюдается определенная солидарность. Во всех странах приоритетными качествами для воспитания оказались ответственность и трудолюбие. К ним по популярности примыкает независимость (в России не представлена). В Японии и Кореи, странах с развитой рыночной экономикой, одним из необходимых качеств признана решительность. В России и Японии некоторые респонденты при ответе выбрали еще терпимость. Нигде не представлены в качестве приоритетов религиозная вера (в Китае – на все 100%), воображение, послушание (в Японии – на 95%) и самовыражение (кроме Ю. Кореи – здесь соотношение 50/50).

Выводы и перспективы исследования

Объем данной статьи не позволяет рассмотреть и малой части предлагаемого «Всемирным обзором» массива информации, не говоря уже о безграничном количестве вариантов анализа, которому он может быть подвергнут. Тем не менее, на основе рассмотренных данных можно сделать ряд выводов. Прежде всего, налицо существенные различия ценностных ориентаций жителей России от представителей Китая, Японии и Южной Кореи. Однако при этом между этими странами также наличествует ценностная неоднородность, и Россия по различным показателям может быть близка как минимум к одной из них. Эта неоднородность, с одной стороны, и соответствие общим глобальным тенденциям экономического и социокультурного развития – с другой, означает, что различные мнения о своеобразии восточных стран, об их радикальном отличии от Запада зачастую преувеличены¹⁴.

¹⁴ К. Вельцель делает такой же вывод в одной из своих статей. Подробнее см.: Welzel C. The Asian Values Thesis

¹³ Х. Брокман, К. Вельцель и другие в своем исследовании также показывают, что снижение уровня счастья в Китае напрямую связано с ростом финансовой неудовлетворенности и ее усиливающимся влиянием на удовлетворенность жизнью в целом. Подробнее см.: Brockmann, H., J. Delhey, C. Welzel & H. Yuan (2009). The China Puzzle: Falling Happiness in a Rising Economy / Journal of Happiness Studies, Vol. 10, Issue 04. 2009, pp. 387-405.

Сергей Вячеславович ЛЕВШИН / Sergey LEVSHIN

| Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора ценностей» / Analysis of Values of Russia and Countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to «World Values Survey» |

Этого вывода также придерживаются сторонники концепции постматериализма. Конечно, теоретическая основа «Всемирного обзора» не лишена недостатков. Во-первых, вместе с идеями «конца истории» и «столкновения цивилизаций», теория человеческого развития представляет собой одну из версий западного универсализма, методологически противостоящую антропологическому релятивизму. В своих обобщающих работах Р. Инглхарт и его соавтор К. Вельцель «не столько выдвигают и проверяют гипотезы, рассуждают о вариантах интерпретации данных, сколько пытаются убедить читателя в своей правоте, и цифры – лишь подтверждение их идей»¹⁵. Даже настаивая на своеобразии культур, они ориентируются в первую очередь на западные идеи толерантности, рыночной экономики, либеральной демократии и энвайронментализма, что также четко прослеживается в самих вопросах анкеты. Однако никто не будет отрицать, что в России и азиатских странах эти ценности претерпевают существенную трансформацию, интегрируясь в традиционное культурное своеобразие этих стран.

Во-вторых, признание культурного универсализма означает чрезмерное расширение этого

понятия. Включив в культурную сферу ценностные ориентации политического, экономического и социального характера, создатели «Всемирного обзора» упустили культуру в ее узком значении – как процесс активной творческой деятельности, в ходе которой создаются, распределяются и потребляются духовные ценности (произведения искусства, артефакты культуры). Последние выступают эмпирическим материалом не только для культурологии, и могут быть задействованы и в социологических исследованиях, связанных с проблемами рецепции культурного наследия различных стран. Особенно здесь показательна Япония, где массовая культура, будучи в ходе своего становления преимущественно рецепиентной и синтетической, сегодня оказывает масштабное влияние на остальной мир как нечто оригинальное, «сугубо японское».

Уже сейчас идет подготовка и организация новой волны «Всемирного обзора», запланированной на 2016-2020 гг. Ввиду последних событий в России и в мире ее результаты будут представлять значительный интерес для изучения того, насколько чувствительно культуры сегодня реагируют на изменения, происходящее в мире.

Revisited: Evidence from the World Values Surveys / Japanese Journal of Political Science, Vol. 12, Issue 01, 2011.

Рр. 1 – 31.

¹⁵ Руднев, М. Г. Причины и следствия изменения массовых ценностей. Рецензия на кн.: Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 464 с. // Экономическая социология. Т. 12. № 2. С. 141.

